ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 79

Сборник статей

**LEGAL ISSUES
OF STRENGTHENING RUSSIAN
STATEHOOD**

Vol. 79

Collection of papers

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2018

В.В. Николюк

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С ИНЫМИ ЗАКОНАМИ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Привлекается внимание к устойчивой в российском праве (законодательстве) тенденции непрерывной, бессистемной корректировки законов в сфере уголовной юстиции. В этих условиях, когда объективно возрастает число внешних коллизий и конкуренций, выделяются проблемы взаимосвязи и согласования уголовно-процессуального законодательства с законами, образующими криминалистический нормативный блок. На конкретных примерах показываются предпосылки и меры к преодолению дефектов законотворчества в части взаимодействия УПК РФ с законами этой группы.

Ключевые слова: уголовная юстиция, противодействие преступности, закон, уголовно-процессуальное законодательство, согласование, взаимодействие.

По результатам проверки конституционности соответствующего нормативного регулирования, осуществленной Конституционным Судом Российской Федерации в 2013–2015 гг., орган конституционного правосудия пришел к следующему принципиальному выводу: «В современных условиях первоочередной задачей совершенствования законодательства является преодоление пробелов нормативного регулирования, исправление присутствующих в нем и вскрытых правоприменительной практикой дефектов неопределенности и несогласованности» [1]. Данный вывод в полной мере отражает реально сложившиеся интеграционные связи между уголовно-процессуальным законодательством и нормативным массивом, ориентированным на уголовно-правовую сферу.

В современный период, характеризующийся динамичным, практически тотальным расширением «правового поля», на котором «играет» уголовная юстиция, объективно актуализировалась следующая масштабная проблема – обеспечение надлежащего взаимодействия уголовно-процессуального законодательства с законами, полностью

или частично ориентированными на противодействие преступности и образующими на базе отраслей права криминалистического цикла расширенную систему законодательства о борьбе с преступностью¹. Возникающие конфликты между нормами, относящимися к различным отраслям права, специализированным законам уголовно-правового блока, открывают простор для неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения правовых норм. В этих условиях требуются своеобразная «санация» нормативного регулирования для исправления соответствующих законов, где подобные дефекты имеют место, дисквалификация дефектных норм.

Анализ расширенной системы законодательства о борьбе с преступностью с позиций задачи обеспечения гармонизации УПК РФ с входящими в криминалистический блок законами предполагает своеобразную инвентаризацию последних, что в настоящее время сделать не так просто, как это может показаться на первый взгляд.

В указанный законодательный блок безоговорочно можно включать действующие в настоящее время УК РФ, УПК РФ, УИК РФ, федеральные законы: от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О следственном комитете Российской Федерации». Меньше оснований рассматривать в этой группе Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», который в результате внесения в него многочисленных изменений и дополнений перестал содержать нормы, непосредственно регулирующие отношения в сфере борьбы с преступностью. Полномочия прокурора в этой области регламентируются УПК РФ. Вместе с тем возложение на прокурора функций надзора за исполнением за-

¹ В рамках настоящей статьи не затрагиваются вопросы взаимосвязей и согласования УПК РФ с УК РФ и УИК РФ. Об этом см., например: *Николюк В.В.* Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации: точки соприкосновения и проблемы согласования // Уголовное право. 2016. № 3. С. 116–122; Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права: монография / под общ. ред. *М.Б. Костровой*. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017; *Муравьев К.В.* Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск : Омская акад. МВД России, 2017.

кона Следственным комитетом Российской Федерации, органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (ст. 8 Закона «О прокуратуре Российской Федерации»)), объективно создает предпосылки к включению анализируемого нормативного акта в законодательный комплекс, ориентированный на борьбу с преступностью.

Безусловно, в данный законодательный блок входят и иные законы (например, от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», от 31 мая 2002 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и др.).

Многие законы, объективно взаимодействующие с нормами УПК РФ, имеют сложную правовую природу, являются комплексными. Они не могут и не должны вклиниваться в предмет регулирования уголовно-процессуального права, дублировать соответствующие уголовно-процессуальные правила и процедуры. Однако, поскольку они способствуют реализации уголовно-процессуальных актов, обеспечиваемое ими регулирование может представлять только такие правореализационные механизмы, которые обусловлены, детерминированы содержанием конкретных уголовно-процессуальных норм (а также заложенными в них конечными целями) и находятся в векторе, заданном ими. В связи с этим чрезвычайно важным становится фактор обеспечения изначальной качественности самого уголовно-процессуального регулирования, которое не было бы отягощено нормотворческими дефектами, ибо оно задает «на перспективу» ориентиры упорядочения соответствующих отношений путем подключения к их регламентации норм других специализированных законов.

Например, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» регулирует порядок и определяет условия содержания под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, гарантии их прав

и законных интересов. В данном Законе оговаривается, что содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений осуществляется в целях, предусмотренных УПК РФ, а основные понятия (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный) используются в нем в соответствии с УПК РФ. Предусмотрено также (ст. 5), что основанием содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, является судебное решение, вынесенное в порядке, установленном УПК РФ. Таким образом, анализируемый Закон обеспечивает исполнение принципиально важного для уголовного судопроизводства процессуального акта и максимально согласован с УПК РФ. Но не во всем.

В условиях, когда УК РФ существенно расширил перечень наказаний, не связанных с лишением свободы, предусмотрел возможность их замены на лишение свободы в судебном порядке, а УИК РФ, сменивший ИТК РСФСР, разрешил территориальным органам уголовно-исполнительной системы обращаться в суд с представлением о направлении осужденного к лишению свободы в колонию-поселение под конвоем, уголовно-процессуальный закон вынужден был реагировать на подобные законодательные новации и предусмотрел возможность заключения под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания (п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ) [2]. Тем самым в УПК РФ получила самостоятельное закрепление (причем за пределами главы 13 «Меры пресечения») мера принуждения, дословно повторяющая название уже предусмотренной ст. 108 УПК меры пресечения «Заключение под стражу». Последняя используется в отношении подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу до вступления приговора в законную силу. Заключение под стражу в соответствии с п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ существенно от нее отличается по целям, основаниям, условиям, порядку и имеет своим адресатом осужденного, в отношении которого приговор вступил в силу. По указанным объективным причинам она не может интерпретироваться как разновидность, «продолжение» меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, применяемой в рамках производства по уголовному делу.

Специфика заключения под стражу осужденного в соответствии с п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ предполагает специальное, отдельное отражение ее в законодательстве. Но этого не произошло. В течение

длительного времени (почти 15 лет) законодатель не добавил ни слова к лаконичным предписаниям о заключении под стражу осужденных, скрывшихся в целях уклонения от отбывания наказания. Соответственно, никаких дополнений не последовало и в Закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». В результате в нем не прописаны основания содержания под стражей этой категории лиц. Помещение осужденных в изоляторы временного содержания либо в следственные изоляторы на основании судебных решений, принятых на основании п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ, по сути незаконно. Такое положение иллюстрирует отсутствие надлежащего взаимодействия УПК РФ и Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» по столь важному вопросу исполнения наказаний.

Не достигнуто согласования с УПК РФ и Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3]. В той части, в какой данным Законом регламентируется помещение несовершеннолетних осужденных в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (*далее – СУВУЗТ*) по приговору суда (ст. 15), он вынужденно взаимодействует с УПК РФ, который, в свою очередь, устанавливает судебный порядок решения вопросов, связанных с исполнением приговора, предусматривающего пребывание несовершеннолетнего в СУВУЗТ. При этом законодатель четко не разграничивает сферы правового регулирования УПК РФ и названного закона, имеющего **в большей части административно-правовую** отраслевую принадлежность. Анализ содержания ч. 2–7 ст. 432 УПК РФ и п. 7 ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ показывает, что они «пересекаются», «накладываются» друг на друга. В результате мы имеем наглядный пример смешанного (нормами разных законов) правового регулирования одних и тех же общественных отношений, при котором не учитываются особенности отраслевого предмета и, соответственно, отраслевая специализация нормативного материала.

Так, абзацем вторым п. 7 ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ предписывается, что продление срока пребывания несовершеннолетнего в СУВУЗТ по истечении срока, установленного судом, в случае необходимости дальнейшего применения этой меры воздействия к несовершеннолетнему осуществляется **по постановлению судьи по месту нахождения учреждения** (выделено мною. –

В.Н.). Очевидно, что определение подсудности данного вопроса, связанного с исполнением приговора в части назначенной на основании ст. 92 УК РФ уголовно-правовой меры в виде направления осужденного в СУВУЗТ, находится в зоне ответственности уголовно-процессуального законодательства. Поэтому в ч. 4 ст. 432 УПК РФ вполне ожидаемо установлено, что вопрос о продлении пребывания несовершеннолетнего осужденного в СУВУЗТ рассматривается **единолично судьей районного суда по месту нахождения указанного учреждения в течение 10 суток со дня поступления ходатайства или представления** (выделено мною. – *В.Н.*).

Как видно из приведенного положения, ч. 4 ст. 432 УПК РФ более подробно регламентирует означенную ситуацию: определяет, какой суд (районный) и в каком составе (единолично) рассматривает представление о продлении срока пребывания указанной категории несовершеннолетних в СУВУЗТ; устанавливает срок рассмотрения представления. Подключение в анализируемом случае к регулированию Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ не только излишне, но и противоречит принципу специализации законов, ориентированных на конкретную группу однородных общественных отношений, иначе неизбежны правовой хаос и дезорганизация правоприменительной деятельности.

Надлежит отметить, кроме того, что когда нормы одного закона вторгаются в предмет регулирования другого закона, качественного, оптимального правового регулирования общественных отношений достичь, как правило, не удастся. Будучи помещенными в чужеродную нормативную среду, в нашем случае – за пределы УПК РФ, соответствующие процессуальные по своему функционалу предписания лишены объективной возможности взаимодействовать с другими родственными нормами, в том числе устанавливающими общие положения (условия) уголовного судопроизводства, с его принципами. При такой нормотворческой практике, когда игнорируется системный межотраслевой подход к формированию и адекватному языковому выражению содержания корреспондирующих нормативных предписаний уголовно-процессуального и других законов, регулятивный потенциал последних значительно снижается. Повышается риск возникновения между ними противоречий и конкуренций.

Рассогласованность уголовно-процессуальных предписаний с нормами других законов можно проследить и на других примерах.

Так, Закон «О полиции» отражает закрепленную в УПК РФ конструкцию досудебного производства, прописывает обязанности полиции в связи с возложением на органы дознания, к которым она относится в соответствии с ч. 1 ст. 40 УПК РФ, определенных процессуальных функций. Вместе с тем отдельные нормы Закона «О полиции» недостаточно согласованы с соответствующими правилами УПК РФ, имеются противоречия между ними. Это касается прав полиции подвергать приводу в полицию граждан (п. 3 ч. 1 ст. 13 Закона «О полиции»), применять специальные средства при исполнении постановления дознавателя, следователя о приводе (п. 3 ч. 1 ст. 21 Закона «О полиции»). В статье 39 УПК РФ «Руководитель следственного органа» не предусмотрено его прав давать органу дознания (полиции) письменные поручения, которыми наделен следователь (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Между тем в п. 9 ч. 1 ст. 12 Закона «О полиции» наряду со следователем назван и руководитель следственного органа, что противоречит уголовно-процессуальному закону [4].

По мнению многих ученых-юристов, в настоящее время продолжает давать о себе знать конфликтность, несогласованность норм УПК РФ и Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», негативно влияющая на эффективность как оперативно-розыскной деятельности, так и уголовного судопроизводства. На страницах юридической печати обоснованно фиксируется множество правовых проблем в функционировании межотраслевого института использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу [5. С. 111–112].

Сравнительно недавно в связи с введением Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в УПК РФ главы 51.1 «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности» [6] образовались проблемы согласования норм УПК РФ и Федерального закона «Об исполнительном производстве». Дело в том, что в УПК РФ, несмотря на включение в него отдельной статьи, специально посвященной порядку обращения судом к исполнению решения о применении судебного штрафа, не назван орган, исполняющий данную меру уголовно-правового характера, назначенную в порядке главы 51.1 УПК РФ. Следует подчеркнуть, что Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ внесены изменения и дополнения лишь в УК РФ и УПК РФ. В УИК РФ по-прежнему регламентируется только порядок исполнения наказаний и

условного осуждения. Однако названным нормативным актом в Закон «Об исполнительном производстве» включена ст. 103.1 «Исполнение судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера», предусматривающая, что контроль за исполнением судебного штрафа лицом, которому эта мера назначена, возлагается на судебного пристава-исполнителя. Законом «Об исполнительном производстве» штраф теперь воспринимается и как наказание, назначенное по приговору суда на основании ст. 45 УК РФ, и как мера уголовно-правового характера, назначенная на основании ст. 76.2 УК РФ.

Таким образом, с учетом ч. 2 ст. 393 УПК РФ и ч. 3 ст. 101.1 Закона «Об исполнительном производстве» в случае назначения судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера судья вместе с копией постановления судебному приставу-исполнителю направляет исполнительный лист. Как видим, только в рамках взаимодействия норм УПК РФ и Закона «Об исполнительном производстве» удастся достичь цельного, законченного регулирования порядка обращения к исполнению решения о применении судебного штрафа.

Можно привести и другие примеры рассогласованности и конфликтности норм УПК РФ с предписаниями иных кодифицированных и некодифицированных законов, относящихся к сфере уголовной юстиции. К сожалению, они объективно присущи установившимся в реальности взаимосвязям уголовно-процессуального законодательства и нормативного материала, ориентированного на противодействие преступности. Подобные дефекты нормотворчества – следствие недоработок юридико-технического характера и отступлений от строго системного межотраслевого подхода к формированию корреспондирующих предписаний в УПК РФ и иных «родственных» законах.

В заключение надлежит обратить внимание также на следующее. Многочисленные позиции Конституционного Суда Российской Федерации, часто истолковывающие конкретные процессуальные нормы по-иному, вопреки изначально заложенному в УПК РФ смыслу, существенно осложняют правоприменение. В этих условиях органу расследования, прокурору, суду приходится дополнительно решать задачу выбора поведения между не инкорпорированной в уголовно-процессуальное законодательство позицией Конституционного Суда Российской Федерации и действующей нормой УПК РФ. Правоприменитель дополнительно дезориентируется также тем, что те или иные процессуальные нормы, признанные неконституционными, го-

дами не устраняются из текстов законов. В связи с этим исключительно важным в практическом аспекте и в разрезе затронутых в статье проблем представляется вопрос об устранении конфликта между нормами УПК РФ и соответствующими позициями Конституционного Суда. Он актуализировался в связи с внесением 28 декабря 2016 г. в ст. 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» дополнений, предусматривающих механизм исполнения решений Конституционного Суда [7]. Однако в силу сложности и неоднозначности восприятия законодателем, доктриной [8–10] позиций Конституционного Суда России данное направление в рамках исследования проблем взаимосвязей норм УПК РФ с иными нормативными предписаниями, содержащимися в других законах криминалистического блока, заслуживает самостоятельной проработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации за 2013–2015 годы)» (одобрена решением Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2016 г.). URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspectsKS_2015.aspx
2. Федеральные законы: от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ // Российская газета. 2003. 16 дек. № 252; от 22 декабря 2008 г. № 271-ФЗ // Российская газета. 2008. 26 дек. № 265.
3. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 7 июня 2017 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Российская газета. 1999. № 121. 30 июня; 2017. № 125. 9 июня.
4. Николук В.В. Закон «О полиции»: проблемы соотношения и согласования с уголовно-процессуальным законодательством // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию образования Дальневост. юрид. ин-та МВД России, 22–23 сентября 2011 г. Хабаровск, 2011. С. 84–87.
5. Азаров В.А., Кузнецов Е.В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права. М., 2016. С. 111–112.
6. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2016. 8 июля. № 149.

7. Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // Российская газета. 2017. № 1. 9 янв.
8. Кальницкий В.В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как основа реформирования УПК РФ // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Омск : Омская академия МВД России, 2006. С. 81–90.
9. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М. : Норма, 2007. С. 119.
10. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018. С. 100–104.

CRIMINAL PROCEDURE LAW IN THE SYSTEM OF LEGISLATION ON CRIME PREVENTION

Vyacheslav V. Nikolyyuk, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: nvv56@mail.ru

Keywords: criminal justice; crime combating; law; criminal procedure laws; matching; interaction.

DOI: 10.17223/9785946217637/15

Most experts in criminal substantive and procedural laws generally recognize problems of their interdependence as resolved. However, there are still discrepancies of different levels between the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; they have a negative effect on the quality of legal regulation of relevant social relations.

The author proceeds from the fact that the problem of studying inter-branch relations of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Criminal Correctional Code of the Russian Federation is also multifaceted. In particular, the participation of representatives of the penitentiary system in criminal proceedings needs a different level of legal regulation. The issue of the allocation of a penitentiary judge in the judicial system is discussed at the “intersection” of sciences and branches of penal and criminal procedure laws. It is impossible to regulate the procedural position of the defense lawyer at the stage of sentence execution in isolation from penal laws. There are fundamental contradictions and inconsistencies between the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Correctional Code of the Russian Federation, which bear the main burden in regulating relations regarding sentence execution.

Thus, defects in rule-making cause a multi-level conflict between the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Correctional Code of the Russian Federation and other laws in the expanded system of legislation on combating crime. This causes ambiguous interpretation and, as a result, arbitrary application of legal norms.

Separate contradictions and inconsistencies between the Criminal Codes and other criminalistic laws were formed as a result of actual legislative defects (shortcomings of

the legal and technical nature), and due to the dynamic development of the criminal procedure procedures, bringing them in line with the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the modernization of the categories and concepts of the branch. As a result, there arises a natural “gap” between the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the provisions of criminalistic laws. These situations can only be temporary, and require legislative solutions.

The external inconsistency of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with norms focused on the regulation of social relations in the field of criminal justice cannot be overcome without the legislator’s intervention. The indicated and other contradictions and conflicts in the field of criminal procedure regulation are partially leveled by law enforcement practice, mainly court one. However, due to the seriousness of the upcoming legal consequences for the participants in criminal procedure relations, the problem of ensuring the quality of rule-making remains a priority.

REFERENCES

1. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2016) *Information of the Constitutional Court of the Russian Federation “Constitutional and legal aspects of improving the rule-making activity (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation for 2013–2015)” (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 23, 2016)*. [Online] Available from: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspectsKS_2015.aspx. (In Russian).
2. Russian Federation. (2003) Federal’nyy zakon: ot 8 dekabrya 2003 g. № 161-FZ [Federal Law No. 161-FZ: of December 8, 2003]. *Rossiyskaya gazeta*. 16th December.
3. Russian Federation. (1999) Federal’nyy zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ (v red. ot 7 iyunya 2017 g.) “Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh” [Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 (as amended on June 7, 2017) “On the basis of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency”]. *Rossiyskaya gazeta*. 30th June.
4. Nikolyuk, V.V. (2011) [The law “On Police”: problems of correlation and coordination with the criminal procedure legislation]. *Aktual’nye problemy bor’by s prestupnost’yu na sovremennom etape* [Topical Problems of the Fight Against Crime at the Present Stage]. Proc. of the All-Russian Conference. Khabarovsk, September 22–23, 2011. Khabarovsk: [s.n.], pp. 84–87. (In Russian).
5. Azarov, V.A. & Kuznetsov, E.V. (2016) *Teoreticheskie osnovy formirovaniya otrasli operativno-rozysknogo prava* [Theoretical Foundations of the Formation of the Intelligence and Surveillance Law]. Moscow: Yurlitinform.
6. Russian Federation. (2016) Federal Law No. 323-FZ of July 3, 2016, “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the issues of improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability.”. *Rossiyskaya gazeta*. 8th July. (In Russian).

7. Russian Federation. (2017) Federal Constitutional Law No. 11-FKZ of December 28, 2016, "On Amendments to the Federal Constitutional Law On the Constitutional Court of the Russian Federation". *Rossiyskaya gazeta*. 9th January. (In Russian).
8. Kalnitskiy, V.V. (2006) [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as the basis for reforming the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Sovershenstvovanie norm i institutov Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Improving the Standards and Institutions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Omsk. May 25–26, 2006. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 81–90. (In Russian).
9. Zorkin, V.D. (2007) *Rossiia i Konstitutsiya v XXI veke. Vzgl'yad s Il'inki* [Russia and the Constitution in the 21st Century. A Glance From Ilyinka]. Moscow: Norma.
10. Ershov, V.V. (2018) *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: Russian State University of Justice.

DOI: 10.17223/9785946217637/16

Е.Н. Петухов

СУДЬЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Рассматривается проблема отграничения процессуального статуса судьи от статуса суда. Посредством анализа норм уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной деятельности судей обосновывается наличие самостоятельных полномочий у судьи. Подтверждается выполнение возложенных законодателем на судью уголовно-процессуальных функций как на самостоятельного субъекта. Предлагается включить в уголовно-процессуальный закон самостоятельную норму, посвященную понятию и полномочиям судьи.

Ключевые слова: судья, участники уголовного судопроизводства, полномочия судьи, процессуальный статус судьи.

В многочисленных теоретических и законодательных источниках слово «суд» употребляется в разных контекстах: государственный орган; место разрешения спора; судебное заседание; судебный процесс. В том числе и судья тоже отождествляется с судом в виде конкретного должностного лица государства, которое вершит правосудие.

Мы видим, что в российской правовой системе судья и суд не различимы и более того неотделимы друг от друга. Однако мы считаем,